

НАУЧНАЯ ШКОЛА «КРЫМ В СИСТЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ С КУЛЬТУРАМИ ЕВРАЗИЙСКОЙ СТЕПИ И ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ ВОСТОКА»

(Санкт-Петербург, 2–4 июня 2016 г.)

2–4 июня 2016 г. в Санкт-Петербурге состоялась научная школа для молодых ученых¹, посвященная системе политических и экономических связей древнего Крыма с культурами Евразийской степи и цивилизациями Востока. Как и на заседаниях научной школы для молодых ученых, прошедшей в ноябре 2015 г. в Симферополе и Анапе, в рамках Санкт-Петербургской школы участники имели возможность ознакомиться с актуальными тенденциями в разных областях исторической науки и новейшими исследовательскими проектами старших коллег, но также и представить результаты своих исследований на обсуждение широкому кругу специалистов. В заседаниях школы приняли участие ученые из разных городов России, а также из Украины, Германии, Польши и США.

На заключительном заседании прошлогодней научной школы было принято решение ответить большее количество времени на дискуссии и живое взаимодействие участников, поэтому в этом году организационным комитетом было введено несколько новых форматов проведения заседаний школы. Помимо организации мастер-классов и проведения круглого стола (см. ниже), доклады некоторых сессий были не только объединены общей тематикой, но и выстроены в определенной логической последовательности: сначала молодые ученые выступали с результатами своих научных изысканий, а затем следовал обобщающий или уточняющий доклад их более опытных коллег.

Первая сессия «Кочевники Евразии в системе политических и экономических связей» (председатель – А. И. Иванчик) была открыта 2 июня докладом *Н. Н. Крадина* (Владивосток) «Суперсложные вождества у кочевников Евразии». Автор рассмотрел различные теории эволюции древних обществ вообще и кочевых социумов в частности. Особенно подробно он остановился на концепции «вождества», объяснив специфические признаки этого типа общественной организации. Докладчик также подчеркнул разницу между иерархическим и гетероархическим устройством общества, указывая на отсутствие прямой эволюционной преемственности между современным и древним полисными или вождеским типами государственности. Также он рассмотрел различные типы «кочевых империй» и различные пути их возникновения.

Доклад *М. Ольбрыхта* (Жешув) «Parthian Iran and the Northern Nomades» был посвящен истории взаимоотношений между кочевым населением евразийских степей и Парфянской империей. Автор указал на существование взаимовыгодных торговых отношений: кочевники получали ремесленную продукцию, в том числе и предметы роскоши, а в обмен поставляли в Иран кожи и меха. Частично эта торговля могла осуществляться при посредничестве греческих городов Северного Причерноморья. Взаимодействие Парфянского царства с кочевым миром было рассмотрено и в докладе *В. П. Никонорова* (Санкт-Петербург) «Роль кочевников в возникновении Парфянского государства: археологический аспект». Автор выступил с критикой теории М. Бойс, согласно которой завоевание кочевниками не сыграло ключевой роли в процессе формирования парфянской государственности: в Парфию на самом деле вторглась лишь незначительная группа апарнов во главе со своим вождем Аршаком, которая довольно быстро была ассимилирована местным оседло-земледельческим населением. Парфия же, как и вскоре завоеванная Аршаком соседняя Гиркания, к тому времени уже обладала достаточным социально-экономическим потенциалом, чтобы стать ядром будущей Парфянской империи. Этот вывод М. Бойс

¹ Школа была организована в рамках проекта «Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н.э. – VII в.н.э.)», финансируемого РНФ (грант № 15-18-30047). Отчет о заседаниях первой научной школы «Крым в системе политических и экономических связей с Причерноморьем и Средиземноморьем», написанный В. И. Мордвинцевой, см. ВДИ 2016, № 3, 824–828.

противоречит не только данным греко-латинской письменной традиции (согласно ей, царство парфянских Аршакидов возникло в результате завоевания в начале второй половины III в. до н.э. апарнами из кочевой племенной конфедерации даев (дахов) области Парфиены), но и результатам археологических исследований, проведенных в основном в советский период в юго-западной и северо-западной частях Туркменистана. В свете этих археологических данных автор доклада делает вывод о том, что кочевники из Северо-Восточного Прикаспия в аршакидскую эпоху активно обживали границы оседло-земледельческих оазисов в северных частях Парфиены и Гиркании и находились в постоянном культурно-хозяйственном контакте с их коренным населением. Такое взаимодействие между пришлыми номадами-скотоводами и местными крестьянами-земледельцами и определяло главный вектор развития экономики и культуры Восточной Парфии. Таким образом, нет никаких оснований полагать, что завоевание Парфиены апарнами во главе с Аршаком I было каким-то одномоментным и изолированным событием, напротив, центральноазиатские кочевники постоянно участвовали в политической жизни Парфянского государства на протяжении всей его истории.

В. И. Мордвинцева (Москва/Симферополь) выступила с докладом «Сарматы в Северном Причерноморье», обобщающим историю изучения сарматской археологической культуры и указывающим на роль этиологического мифа Российской империи в формировании научных представлений о культурно-исторических процессах в Северном Причерноморье, в частности об участии в них сарматов. Автор призвала с особым вниманием и осторожностью относиться к самому термину «сарматы», так как, с одной стороны, в греко-римской литературе это слово могло служить отсылкой к совершенно разным понятиям (конкретный этноним или же макроэтноним; кочевник вообще или воин-всадник; житель территории, называемой «Сарматия»), а с другой — «сарматская» археологическая культура не представляет собой единого целого, а делится на весьма значительно отличающиеся друг от друга культуры. Таким образом, следует признать, что термин «сарматская археологическая культура» не отражает объективную историческую реальность, а является историографическим конструктом. В докладе также были продемонстрированы возможности применения мир-системного анализа И. М. Валлерстайна к исследованию сетей взаимодействий между народами, населявшими причерноморские степи на рубеже эр.

В докладе *Н. С. Савельева* (Уфа) «Случайные находки оружия скифо-сарматского времени на территории Северной Евразии: варианты интерпретаций или забытая реальность?» на основании применения современных методов изучения археологического материала было предложено очень интересное объяснение феномену одиночных находок клинков² на обширной территории от Восточной Сибири до Северного Причерноморья (однако основным иллюстративным материалом послужили находки с территории Южного Приуралья): это свидетельства не торговых отношений или военных столкновений, но существования древних культовых мест, использовавшихся на протяжении длительного времени.

М. Прюх (Гейдельберг) в докладе «Chinese Lacquer Boxes from Ust'-Al'ma Necropolis» рассказала о результатах анализа трех китайских лакированных шкатулок, найденных в некрополе Усть-Альма (Южный Крым) и являющихся самыми западными в мире находками подобных вещей — свидетельствами существования дальнего торгового и культурного пути, позже ставшего известным как Великий Шелковый путь. Она также проследила возможные параллели этим изделиям и рассказала об организации производства лакированной посуды в Китае эпохи Хань.

На второй сессии заседаний — «Крымские “варвары” и их восточные соседи» (председатель — О. В. Шаров) — были собраны доклады представителей различных методологических подходов к изучению населения древнего Крыма. *И. В. Тункина* (Санкт-Петербург) в докладе «Открытие позднескифских памятников Крыма в 1820–1830-х годах» поделилась результатами своей работы в архивах, в результате которой она сделала важное историографическое открытие: как минимум восемь позднескифских городищ (Керменчик, Ак-Кая/Вишенное, Меловое, Зуйское/Борут-Хане, Коныч/Монтанай, Альма-Кермен/Заветное, Кермен-Кыр/Красное, Усть-Бельбекское) были открыты и обследованы И. П. Бларамбергом, А. Я. Фабром, П. И. Кёппеном и Ф. Дюбуа де Монпери еще в первой трети XIX в., т.е. за сто (а в некоторых случаях и более) лет до их «официального» (т.е. зафиксированного в современной историографической традиции) открытия. Таким образом, по мнению автора доклада, публикация архивных материалов 1820–1830-х годов позволит разрушить сложившиеся историографические штампы о времени открытия и приоритете в изучении многих археологических памятников Крыма.

² Тематика этого доклада интересным образом переплетается с сообщением проф. С. Ортизи (Оснабрюк) «Римское оружие в варварских святилищах», сделанным в рамках научной школы в Анапе в 2015 г.

Речь о разрушении историографических штампов шла и в следующем сообщении. *Е. А. Попова* (Москва) в докладе «Термин “позднескифская культура” и правомерность его использования в отношении памятников Нижнего Поднепровья и Крыма II в. до н.э. — II в.н.э.» продемонстрировала, что этот термин на самом деле неприменим в отношении поселений Нижнего Поднепровья и Северо-Западного Крыма, так как, с одной стороны, археологически не прослеживается процесс седентаризации скифов-кочевников, а с другой — в материальной культуре поселений указанных регионов II в. до н.э. — II в. н.э. не прослеживается пережитков кочевого образа жизни, зато присутствуют признаки значительной эллинизации. Таким образом, употребление термина «позднескифская культура» правомерно лишь для культуры кочевников-скифов IV—III вв. до н.э., но никак не для культуры греко-варварских поселений Нижнего Поднепровья и Северо-Западного Крыма. Автор доклада обратила внимание слушателей на то, что необходимо избиваться от этой терминологической неоднозначности.

В отличие от большинства предшествующих, доклад молодого специалиста *А. А. Цветкова* (Санкт-Петербург) «Скифия и скифы в греко-язычных текстах V в.н.э.» был посвящен анализу нарративных источников. Автор рассмотрел сведения византийского историка V в. Приска Панийского о скифах. Рассказывая о варварских племенах, Приск исходил из противопоставления эллинской цивилизации и варварского мира, и из этой оппозиции и происходит его описание народов Скифии. «Скифы» в понимании Приска — термин собирательный, отчасти синонимичный этнониму «гунны», отчасти отражающий разнообразие подвластных гуннам народов, и несущий скорее негативную окраску.

В докладе *А. А. Казарницкого* (Москва/Санкт-Петербург) «Происхождение причерноморских скифов по данным физической антропологии» была изложена краткая история дискуссии о происхождении причерноморского населения скифской культуры и представлены новые аргументы в пользу гипотезы об их центральноазиатской прародине и родстве с представителями тагарской культуры Южной Сибири, а также еще раз продемонстрирована несостоятельность гипотезы об их происхождении от носителей срубной культуры бронзового века.

Не менее интересным был доклад генетика *А. Т. Агджоян* (Москва) «История в генах: происхождение крымских татар, греков и караимов по данным молекулярной генетики». Докладчик рассказала о результатах исследований генофонда некоторых современных народов, населяющих Крымский полуостров. Согласно этим результатам крымские татары и греки сформировались на восточносредиземноморской генетической основе с менее выраженным вкладом населения степей Евразии (последний более представлен у степных крымских татар), а в генофонде караимов преобладает переднеазиатский генетический компонент с низким вкладом популяций степей Евразии. Генетическая близость между изученными крымскими популяциями и восточными славянами (русскими и украинцами) не обнаружена.

С докладом «Несостоятельность определения сарматских тамг в качестве знаков собственности (На примере горгиппийских кирпичей с тамгой царя Аспурга)» выступил *С. В. Воронятов* (Санкт-Петербург). Автор не согласился с традиционной точкой зрения о том, что кирпичи с тамгой боспорского царя Аспурга являлись продукцией царских эргастериев. По его мнению, количество найденных на сегодняшний день кирпичей и их ареал, ограниченный пределами древней Горгиппии, скорее свидетельствует о том, что кирпичи принадлежали одной разрушенной постройке. Знание это могло носить либо административный, либо религиозный характер и имело прямое отношение к обоженной персоне царя Аспурга.

Доклад *А. В. Дедюлькина* (Ростов-на-Дону), озаглавленный «“Оружие мне нужно...” Античные и варварские доспехи в Северном Причерноморье, их изготовители и потребители: торговля, дипломатия, война», был посвящен находкам предметов защитного снаряжения эллинистической эпохи на Боспоре, в Крымской Скифии, на Северо-Западном Кавказе и в Северном Причерноморье. Автор продемонстрировал, как эти материалы позволяют исследовать возможные направления торговых связей и дипломатических контактов, динамику военных конфликтов, предпочтения эллинских и варварских элит, отношение к античным доспехам в инокультурной среде, а также влияние эллинистической оружейной традиции на развитие местного производства. Ответом на этот доклад стало обобщающее сообщение *А. В. Симоненко* (Киев) «Периодизация военного дела номадов Евразии в эпоху раннего железа», в котором он изложил общую картину развития военного искусства кочевников Евразийских степей. Автор делит эту эволюцию на четыре периода, условно называя их «киммерийский», «скифо-сакский», «сюнну-сарматский» и «хуннско-сяньбейский». Каждый из этих периодов характеризуется определенным уровнем социального развития, военного искусства и схожими типами вооружения и конской упряжи. Дальнейшая история развития военного дела у кочевников, связанная с тюркскими народами, относится уже не к древней, а к средневековой истории.

Обе сессии, прошедшие 2 июня, завершились обсуждениями. Наиболее оживленные дискуссии вызвали доклады В. И. Мордвинцевой, Н. С. Савельева, А. А. Казарницкого и С. В. Воронятова.

Заседания 3 июня были проведены в формате «мастер-классов», на которых ведущие исследователи могли поделиться своими взглядами на интересующие их научные проблемы в рамках диалога с молодыми коллегами. Тематика этих семинаров покрывала самые разнообразные аспекты изучения древней истории Крыма. Так, А. И. Иванчик (Москва / Бордо) и П. В. Шувалов (Санкт-Петербург) посвятили свои занятия проблемам работы с нарративными источниками. А. И. Иванчик продемонстрировал, с какой осторожностью необходимо относиться к хронологическим данным, получаемым от древних авторов, а П. В. Шувалов обратил внимание участников его семинара на «топосы» в византийской литературе и методы работы с ними. Мастер-классы В. И. Мордвинцевой и А. Р. Канторовича (Москва), а также И. А. Аржанцевой (Москва) и исследователя из Тюбингена Г. Харке ознакомили слушателей с широким спектром вопросов, относящихся к области изучения материальной культуры: интерпретация образов «сарматского» и скифского «звериного стиля» и ее роль в изучении эволюции культур-носителей этой художественной традиции, методологические проблемы археологии поселений, возможность (или невозможность) анализа социальной структуры на базе материалов погребений. Н. И. Беловинцева (Москва) провела практическое занятие по реставрации керамики, предварив его теоретическим введением. По итогам всех мастер-классов была проведена общая дискуссия для того, чтобы все участники школы могли ознакомиться с результатами каждого семинара.

4 июня первая сессия — «Пространственные модели развития поселенческих структур (председатель — Н. Н. Крадин) — была открыта докладом *Й. Шнеевайса* (Геттинген/Санкт-Петербург) «The phenomenon of “Nordic Dark Earth” — a key element of Viking Age civilization». Автор познакомил слушателей с феноменом так называемой terra preta — образованием чернозема вместо неплодородных почв в результате целенаправленной хозяйственной деятельности людей. Этот «искусственный чернозем», однако, обнаруживается только на территории поселений, а не полей, и связан, возможно, с «огородным» типом земледелия. Автор доклада предположил, что именно terra preta (также называемая Nordic Dark Earth) послужила толчком к появлению первых городов в Северной Европе. Методические аспекты доклада вызвали живой интерес слушателей.

Следующие два сообщения были сделаны молодыми учеными. *А. С. Деваев* (Москва/Симферополь) в докладе «Анализ пространственного развития поселенческих структур на Керченском полуострове III в. до н.э. — IV в.н.э.» продемонстрировал применение метода пространственного анализа Хайнца Лундмарка на материале поселений Креченского полуострова. В рамках исследования автором были подготовлены карты, визуализирующие плотность заселения в три разных хронологических периода (эллинистический, римский и позднеантичный). В результате упорядочивания и проведения пространственного анализа поселений Керченского полуострова была получена картина динамики развития и освоения данной территории в разные исторические периоды. Сходной тематике, но на другом материале, было посвящено сообщение *А. В. Батасовой* (Санкт-Петербург) «Система заселения Азиатского Боспора». Объектом исследования стала система греческого расселения на Таманском полуострове, сложившаяся к началу V в. до н.э. Анализ включал в себя два этапа — сравнительный анализ сельских памятников на основании данных археологических разведок и анализ пространственных структур. В результате была получена модель расселения, демонстрирующая неравномерность освоения пространства колонистами, а также были выявлены уровни иерархического соподчинения между поселениями, что позволяет структурировать наши представления о процессе греческой колонизации Таманского полуострова.

Завершающим и подытоживающим в этой серии стал совместный доклад *Г. П. Гарбузова* (Ростов-на-Дону) и *Н. И. Сударева* (Москва) «Формирование системы расселения в юго-восточной части Азиатского Боспора». Предложенная ими модель основывается на систематизации известных археологических данных, в том числе полученных в последние несколько лет в ходе работ Восточно-Боспорской экспедиции ИА РАН. Распространение греческих поселений проходило здесь, по мнению авторов, посредством продвижения по берегу пра-Кизилташского лимана (или соответствующего морского залива) с юга на север. На первом этапе, со второй половины VI в. до н.э., греки последовательно осваивали наиболее пригодные для устройства поселений места на берегах лиманов и в устьях рек, вступая в торговые отношения с аборигенным населением. В дальнейшем они распространяли влияние на прилегающую территорию, основывая новые поселения и эллинизируя уже существующие варварские (с середины V в. до н.э. степень эллинизации достигает такого уровня, что без масштабных раскопок сложно различить варварские и греческие поселения). Крайним пунктом на пути греческого освоения стала долина реки

Чекон, где в начале V в. до н.э. было образовано самое крупное поселение (Семибратнее городище). Его можно считать ключевым торговым центром рассматриваемого региона. Лишь относительно поздно (в основном в IV в. до н.э.) греки начинают осваивать долину Кубани, свидетельством чего является серия памятников на Темрюкско-Курчанской гряде, а также Краснобатареиное городище на вероятной восточной границе Азиатского Боспора.

Естественнонаучный взгляд на проблему выявления древних поселенческих структур был предложен в докладе *Т. Н. Смекаловой* (Москва/Санкт-Петербург) «Новые открытия на позднескифских памятниках Крыма. Дистанционные и геофизические исследования». Докладчик осветила новые результаты междисциплинарных естественнонаучных исследований важнейших позднескифских и позднеантичных памятников в предгорном и степном Крыму. На крупнейшем позднескифском городище Ак-Кая/Вишенное и прилегающем к нему обширном селище была проведена магнитная разведка, позволившая выявить внутреннюю планировку крепости, новую конструктивную часть крепостной стены (*протейхизму*), индустриальный центр с обжигательными печами, множество зерновых и хозяйственных ям, полуземлянки. На всей территории позднескифского городища Борут Хане на р. Зуя была проведена магнитная съемка и съемка микрорельефа с помощью дифференциального GPS. В связи с уникальной сохранностью памятника удалось сделать качественно новые выводы о структуре крепости и окружающего ее селища, изучить древние пахотные поля, примыкающие к поселению. На верхнем плато горы Опук (юг Керченского полуострова) с помощью магнитной съемки было выявлено крупное здание с подвалами и окружающими его рядами помещений. По мнению автора, полученные данные дают качественно новые сведения по истории и археологии Крыма в позднеэллинистическое и позднеантичное время.

Доклад *Б. Бевана* (Вимс) «Magnetic tips and hints», также посвященный междисциплинарным естественнонаучным исследованиям, носил более общий характер, но тем не менее был очень полезен для молодых археологов, так как в нем американский ученый обратил внимание полевых исследователей на те трудности, которые могут возникать с определением истинного (в отличие от магнитного) севера, что, в свою очередь, может повлечь за собой серьезные проблемы при определении точного местонахождения уже законсервированных раскопанных участков при последующем исследовании памятника. Он также показал широкие возможности геомагнитных методов исследования в полевой археологии, так как они могут указать на наличие (или отсутствие) и точное местоположение интересующих археологов структур и объектов под землей еще до начала раскопок.

Вторая сессия заседаний 4 июня (председатель — *А. В. Симоненко*) была полностью посвящена древнему стеклу как археологическому источнику. Первые два доклада были сделаны молодыми специалистами. В обобщающем докладе *С. Б. Шабанова* (Симферополь) «Древнее стекло как археологический источник: отечественный и зарубежный опыт» в первую очередь было уделено внимание проблемам, с которыми сталкивается исследователь при изучении стеклянных изделий, относящихся к различным эпохам. Это проблема правильного описания предмета (его морфология), методологии его изучения и интерпретации полученных данных. *А. А. Мосягина* (Санкт-Петербург) посвятила свой доклад «Боспорское стекло римской эпохи» более частной проблеме: закрытым сосудам, найденным на Боспоре и изготовленным в технике свободного выдувания в I–V вв. н.э. Автором была предпринята попытка систематизации материала и составлена типология таких сосудов. По его мнению, большинство стеклянных изделий, найденных на Боспоре, произведено в Восточном Средиземноморье, но встречаются также и экземпляры из Западной Европы.

Сессию завершил совместный доклад *И. И. Марченко* и *Н. Ю. Лимберис* (Краснодар) «Стекланные чаши из Прикубанья», посвященный стеклянным чашам из меотских и сарматских памятников. Авторы впервые ввели в научный оборот «ахеменидскую» стеклянную чашу из раскопок некрополя Старокорсунского городища № 2. Анализ амфорной тары из этого погребения позволил датировать чашу второй четвертью IV в. до н.э. и наметить пути поступления этого сосуда к меотам Прикубанья. В докладе были проанализированы находки чаш из литого и дутого стекла разных типов и уточнена их хронология. На этом материале авторы наглядно продемонстрировали методологические особенности работы с древним стеклом как археологическим источником.

Для обсуждения докладов, прозвучавших на этих двух сессиях, была проведена общая дискуссия.

Заседание 4 июня было проведено в формате Круглого стола, озаглавленного «Крымская Скифия — Боспорское царство: формы контактов и сети взаимодействия», в рамках которого участники сделали краткие десятиминутные сообщения (председатели — *В. И. Мордвинцева*

и А. И. Иванчик). Круглый стол, в котором участвовали как молодые ученые, так и состоявшиеся специалисты, был разделен на два заседания, после каждого из которых проходило обсуждение заслушанных докладов.

Открывшее заседание сообщение *М. Ю. Вахтиной* (Санкт-Петербург) «Греческие колонии Крыма и скифы во второй половине VII–V вв. до н.э.» было посвящено начальному периоду появления кочевых скифов на территории Крыма и их контактам и связям с греческими центрами Боспора. Были рассмотрены наиболее яркие скифские комплексы эпохи архаики, основные письменные и археологические источники, свидетельствующие о характере греко-варварских взаимодействий на протяжении древнейшего периода греческой колонизации региона. Новейшие археологические данные свидетельствуют о том, что контакты между греками и кочевниками не всегда носили мирный характер, что нашло отражение в возведении фортификационных сооружений для защиты греческих колоний в районе Киммерийского Боспора, следах пожаров и разрушений, выявленных здесь в результате раскопок.

В. А. Христановский (Санкт-Петербург) посвятил свой доклад «Боспорские некрополи как кросскультурное пространство (По материалам некрополей Китейской равнины и Илуратского плато)» проблеме соотношения различных культурно-хронологических пластов погребений в рамках одних и тех же могильников на примере некрополя Илурата.

В докладе «Греко-синдские взаимодействия на территории Азиатского Боспора в VI – начале IV в. до н.э.» *В. А. Горончаровский* (Санкт-Петербург) указал на тот факт, что в начальный период существования эллинских колоний на территории Азиатского Боспора местное варварское население было немногочисленным или вообще отсутствовало, а о присутствии здесь синдов, по самоназванию которых эта область получила название Синдики, можно надежно говорить не ранее последней четверти VI в. до н.э. К концу VI в. до н.э. синды, очевидно, прочно заняли географическую нишу в Нижнем Прикубанье и обрели доминирующее положение среди местных оседлых и полуседлых варварских племен. Согласно античной литературной традиции, синды были враждебны скифам, и эта ситуация могла способствовать налаживанию их контактов с греками и основанию в центре Синдики Лабриса, со временем получившего статус полиса. Автор прослеживает изменения в погребальном обряде синдов, указывающие на усиление греческого культурного влияния. Анализ погребальных комплексов синдской аристократии, по мнению автора, в полной мере отражает процесс развития греко-синдских взаимодействий, завершившийся включением Синдики в состав Боспорского государства.

А. М. Бутягин (Санкт-Петербург) выступил с докладом «Боспорский город в зеркале греко-варварских взаимоотношений (на примере городища Мирмекий)». По его мнению, варварское влияние на материальную культуру боспорского города проявляется почти исключительно в наличии фрагментов лепной керамики в слоях городищ. В VI в. до н.э. лепные фрагменты весьма разнообразны и представляют изделия, характерные для разных этнических групп местного населения, так или иначе взаимодействовавших с греческим населением. С V в. до н.э. подобные изделия становятся маргинальной частью всего спектра представленной посуды и уже не могут быть интерпретированы как след культурных связей. Таким образом, для изучения греко-варварских взаимодействий в V–I вв. до н.э. нужно искать более тонкие аналитические инструменты.

Ю. А. Виноградов (Санкт-Петербург) в докладе «Ритмы Евразии и особенности культуры элиты Боспора» изложил свою точку зрения на особенности влияния местных племен на культуру боспорской элиты, которое прослеживается со второй половины V в. до н.э., и периодичность этого влияния, связанного с «ритмами Евразии».

С. Б. Ланцов (Симферополь) представил доклад «Кутлакская крепость второй половины I в. до н.э. в системе обороны Европейской части Боспорского царства». Этот памятник расположен на побережье Юго-Восточного Крыма вблизи г. Судак, причем его местонахождение не совпадает с территориями ни одной из греческих колоний. Так как эта крепость полностью изучена, автором был предложен эскиз целостной объемной реконструкции пятиугольного в плане форта. Его возведение связывается со строительной деятельностью царя Асандра (47–17), а прекращение ее существования относится, вероятнее всего, к первым годам правления Полемона I (14–8). Благодаря обнаружению данного объекта поставлена проблема пересмотра представлений о размерах территории Боспорского царства на рубеже эр. Автор делает вывод, что на месте укрепления, предположительно, существовал военно-административный центр порта Афинейон, упомянутый Аррианом и анонимным автором V в.н.э. Помимо этого, изучение форм лепных сосудов и их орнаментации привело к заключению о том, что гарнизон крепости в основном состоял из боспорских наемников местного варварского происхождения, возможно тавро-скифов.

Доклад *Б. А. Раева* (Краснодар) «Алания как кочевая империя. Китеж-град донской археологии» представлял собой развернутую рецензию на статью С. А. Яценко «Донская Алания как

кочевая империя (I в. — середина II в.)» из сборника «Монгольская империя и кочевой мир», изданного в 2008 г. Докладчик подверг суровой критике исследовательские методы автора этой статьи и поставил под серьезное сомнение достигнутые им результаты. Так, С. А. Яценко находит бесспорным существование в первые века н.э. в низовьях Дона политического образования «Донская Алалия», в то время как анализ текста статьи показывает, что аргументы в пользу этой гипотезы в большинстве своем недостоверны или недостаточны. Происходит своеобразное смещение оценок: историко-этнографическая значимость хорошо изученного региона воспринимается как свидетельство исторической значимости региона. Вся работа С. А. Яценко, по мнению автора доклада, построена с нарушением методики исследования и законов формальной логики. Построения а *posse ad esse* обретают у С. А. Яценко силу фактов, на которых и выстроено все «стройное здание» Донской Алалии — кочевой империи, никогда не существовавшей.

В сообщении *О. В. Шарова* (Санкт-Петербург) «Культовый комплекс Таракташ в Восточном Крыму: хронология и культурная атрибуция» была рассмотрена хронология культовых сооружений римской эпохи, расположенных на склонах горного хребта Таракташ, в 3 км к северу от г. Судак, у юго-восточного побережья Крыма. На основе анализа археологического материала докладчиком предложены новые даты для трех культовых сооружений Таракташа, а также сделано предположение о культурной связи населения, оставившего данный памятник, с далекими восточными территориями, в частности с джеты-асарской культурой в Восточном Приаралье.

О. А. Щеглова в докладе (Санкт-Петербург) «Боспорский след в погребениях варварских вождей лесостепного Поднепровья рубежа IV–V вв. н.э.» привлекла внимание слушателей к находкам богатых комплексов рубежа IV–V веков н.э. в глубине Днепровского Левобережья, в верхнем течении Сейма и Псела. Эти находки резко выделяются на фоне синхронных позднечерняховских древностей наличием престижной серебряной посуды, парадного оружия, золотых браслетов и гривен, нашивок на ткань. Все эти атрибуты элитарной воинской культуры характерны для погребений в боспорских склепах той же эпохи, и именно с Боспора происходят предметы, изготовленные в одних и тех же мастерских. Дискуссионной, однако, является интерпретация этих находок в лесостепи: являются они кладами или происходят из разрушенных погребений? Принадлежали ли эти предметы роскоши последним готским вождям, сохранившим связи с Боспором, или это «золото гуннов» — интернациональная мода элиты эпохи Великого переселения народов?

Круглый стол завершился сообщением *О. В. Старовойтовой* (Симферополь) «Понятие «Крымская Скифия» в библиотечном деле», затронувшим важную историографическую проблему: когда термин «Крымская Скифия» вошел в научный обиход и что же именно понимают под ним специалисты. Само словосочетание появилось впервые в 1972 г. в монографии Т. Н. Высотской «Поздние скифы в Юго-Западном Крыму», однако с тех пор многие авторы использовали его в своих трудах в совершенно разных значениях без каких-либо пояснений. Автор доклада призвала специалистов все же дать точное определение этому широко употребляемому термину.

При подведении итогов работы научной школы участники поделились своими впечатлениями от докладов и новых форматов ведения дискуссии и выразили надежду на то, что подобные мероприятия будут проводиться и впредь.

Evgeniia N. Andreeva
Institute of World History,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
aenik@ya.ru

Е. Н. Андреева
Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия

Acknowledgements: Russian Scientific
Foundation, 15-18-30047